

К 100-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ «КАПИТАЛА» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В апреле 1972 года исполняется 100 лет со дня выхода в свет первого тома «Капитала» на русском языке.

Первым переводчиком его был Г. А. Лопатин. Он перевел третью часть первого тома и из Лондона уехал в Россию, чтобы освободить Н. Г. Чернышевского из якутской ссылки. С документами Любавина Лопатин прибыл в Иркутск, где был сначала взят жандармами на подозрение, а затем — арестован.

Накануне отъезда в Сибирь Герман Александрович обратился к своему другу Н. Ф. Даниельсону с просьбой завершить начатый перевод в том случае, если его арестуют. Н. Ф. Даниельсон выполнил ее.

Обо всем этом вы прочтете в книге о Германе Лопатине, над которой работают Л. Харченко и А. Винклер.

Сегодня мы помещаем небольшой отрывок из рукописи.

ЛЮДМИЛА ХАРЧЕНКО, АНАСТАСИЯ ВИНКЛЕР

«ПРЕВОСХОДНЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД»

После своего ареста Герман Александрович сумел отправить письмо Даниельсону через своих иркутских друзей, в котором сообщал о своем аресте. 11 мая 1871 года Даниельсон писал Марксу: «Переводчик Вашего труда «Капитал» после своего отъезда от вас осенью прошлого года не имел времени продолжать свою работу, так как находился постоянно в разъездах. В своих первых письмах он писал, что после своего возвращения сам закончит перевод, но когда это возвращение оказалось отсроченным на неопределенное время, он попросил меня взять на себя окончание перевода.

Приехав сюда, он говорил, что Вы выразили желание полностью переработать для русского перевода первую главу «Товар и деньги» — Вашей книги. Так как перевод сейчас близится к концу, то не будете ли Вы так добры, — если Вы не переменили Вашего намерения, — прислать мне означенную главу, а также изменения в других местах Вашей книги, которые Вы находите желательными (например, относительно Н. Сениора). Если же, как я предполагаю, первая глава Вами еще не переработана, то я очень прошу указать хотя бы

приблизительно, когда Вы сможете ее прислать.

...Наш друг находится сейчас в очень тяжелом положении, — более худшем, чем когда уезжал отсюда. Впрочем, надежда его не покидает. Подробности позже.

По желанию «нашего друга» я послал Вам различные книги и статьи...

Почти через месяц Маркс ответил Даниельсону на все интересующие его вопросы, а о Лопатине написал: «... Наш друг должен вернуться в Лондон из своей торговой поездки. Корреспонденты той фирмы, от которой он разъезжает, писали мне из Швейцарии и других мест. Коммерческое предприятие потерпит крах, если он отложит свое возвращение, и сам навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги фирме. Конкуренты фирмы уведомят о нем, ищут его и заманят его в ловушку своими интригами...»

Николай Францевич все время держал Маркса в курсе событий относительно их «общего друга». 20 июня 1871 года он писал: «...Вы говорите, что «наш друг» должен вернуться в Лондон. Да, он так бы и сделал, если бы мог, но он этого сделать не может. Уже около месяца, как мы не имеем от него никаких сведений. Торговая экспедиция обанкротилась и его задержали за долги. На следующей

неделе я сообщу Вам некоторые подробности...»

В следующем письме Маркс общал Даниельсону, что получены самые тревожные известия о «нашем общем друге», но я надеюсь, что они ложны или во всяком случае преувеличены».

Даниельсон подтвердил Марксу, что известия о Лопатине не ложны. «Его положение в высшей степени опасно и может стать хроническим». А 30 сентября Николай Францевич прямо, без иносказательности, написал: «...Наш общий друг» сидит в крепости, в очень строгом заключении. Что с ним будет — это нам неизвестно. О каком-либо судебном следствии против него ничего не слышно. Похоже на то, что правительство собирается держать его неопределенное время без суда в одиночном заключении».

В конце октября 1871 года Даниельсон закончил работу Г. А. Лопатина над переводом первого тома «Капитала» и рукопись была отдана смелому книгоиздателю Николаю Петровичу Полякову.

Публицист-народник В. В. Берви (Флеровский) писал о Полякове: «Некто Поляков, человек нигилистического направления, живший в кругу людей, оставшихся после Чернышевского и разделявших его воззрения, издавал книги крайнего направления. Он был человеком идеи — и печатал исключительно произведения, встречавшие на пути своем большие цензурные препятствия... и ставил своей целью издавать книги без всяких искажений, изменений и сокращений и спорил упорно из-за каждого слова».

15 (27) марта 1872 года Даниельсон сообщал Марксу, что печатание русского перевода «Капитала» закончено и у него есть возможность послать ему один экземпляр книги.

«...Отзывы наших журналов об этом труде я, разумеется, Вам перешлю. Не думал, что извещать Вас об окончании печатания придется мне, я надеялся, что это сделает «наш общий друг». Мы с ним не виделись, но он

прислал нам подробное описание своих скитаний. Оказывается, он вынужден был провести 11 месяцев в тюрьме и его судили не по политическому делу, а за проживание по чужому паспорту. Суд первой инстанции приговорил его к поселению в Сибири, суд следующей инстанции отменил этот приговор и наложил на него лишь денежный штраф в сто рублей. Вслед за этим он был освобожден с обязательством не выезжать оттуда (то есть из Иркутска). Таковы его дела. Впрочем, я убежден, что он сам Вас обо всем известит. Если Вы хотите что-нибудь сообщить ему, то я готов играть роль посредника и пересылать Ваши письма по адресу «нашего общего друга».

Получив экземпляр первого тома «Капитала» на русском языке, Маркс ответил Даниельсону: «...Прежде всего, большое спасибо за прекрасно переплетенный экземпляр. Перевод сделан мастерски. Мне бы хотелось получить еще один экземпляр — непереплетенный для Британского музея.

Известия, которые Вы сообщили о «нашем общем друге», очень обрадовали меня и мою семью. Немногих людей я так люблю и уважаю, как его...»

Маркс поделился своей радостью с другом Ф. А. Зорге. 23 мая 1872 года он сообщил ему, что в Петербурге вышел в свет «превосходный русский перевод», что русская социалистическая газета поместила весьма хвалебную передовую статью на 5 столбцах о «Капитале».

Эта передовая была своеобразным введением для намечаемых других статей об этом труде. Но полиция предупредила редакцию газеты, что в случае опубликования подобных материалов, газета будет закрыта.

Даниельсон писал Марксу 23 мая (4 июня): «...Так как Вас, наверное, интересует судьба русского перевода «Капитала», то я могу по этому поводу сообщить следующее. В цензуре, куда эта книга была, согласно закону, сдана на три дня, ее просматривали два цензора, которые дали свое заключение о ней цензурному комитету.

Еще до просмотра было принципиально решено не задерживать книгу из-за одного только имени автора, но при этом все же самым тщательным образом изучить весь текст и поискать, нет ли мест, которые могут разрушить и поколебать основы экономического строя.

...Разрешая эту книгу, цензурный комитет рассчитывал, главным образом на то, что ее никто не станет читать. Вот данные по этому поводу: книга вышла в свет 27 марта, а до 15 мая продано 900 экземпляров (всего отпечатано 3000 экземпляров).

Большая часть журналов и газет поместила рецензии на книгу. Все — без исключения — отзываются о ней с большой похвалой. Всесторонней критики пока еще нет. К сожалению, нет до сих пор отзыва московской газеты. От этой газеты («Московские ведомости») можно ожидать самых курьезных высказываний.

С некоторых пор мы не имеем никаких вестей от «нашего общего друга». Я ожидаю письма не раньше конца мая.

Как раз, когда я собирался отослать свое письмо, пришло Ваше от 28 мая. Переводчики очень польщены Вашим высоким мнением о переводе. Книгу вышлю на этих днях».

Выход «Капитала» в России был праздником для семьи Маркса. Он пишет второе письмо Зорге, в котором сообщает все, о чем ему написал Даниельсон. Он приводит и краткое заключение цензурного комитета: «...Хотя автор по своим взглядам убежденный социалист и вся книга носит вполне определенный социалистический характер, однако, принимая во внимание, что изложение ее отнюдь не может быть названо общедоступным и понятным для всякого и что, с другой стороны, способ доказательства автора облечен повсюду в строго материалистическую форму, комитет находит невозможным подвергнуть это сочинение судебному преследованию».

В августовском письме Марксу

Николай Францевич предупреждал его, что нужно остерегаться некоторых русских, находящихся в Швейцарии, длинные уши и особенно языки которых были причиной несчастья Лопатина. «Тот, кто от моего имени сообщал Вам сведения о «нашем общем друге», должен был вспомнить, с кем он говорил об этих делах. Впредь ему следовало бы остерегаться таких faux freres (лжедрузей. Авторы).

«Наш общий друг» просит сообщить Вам, что «все мелкие вещи, оставленные им у Вас, он рассматривает, как залог своего обязательства появиться у Вас и постарается в скором времени исполнить это свое намерение...»

Когда Лопатин томился в иркутском остроге, в Петербурге вышел первый том «Капитала». Экземпляр книги попал в Ставропольскую общественную библиотеку, которой в то время заведовал бывший нечаевец К. А. Росляков, высланный в Ставрополь. Двенадцать лет книга находилась в библиотеке. Когда в 1881 году вышел каталог Ставропольской общественной библиотеки, то случайно или умышленно его составители исказили название труда Маркса. «Маркс К. Капитан. Перевод с немецкого. Изд. Полякова, т. I... 1872 г.». «Капитал» был изъят в 1884 году, когда проводилась чистка библиотек с целью выявления «крамольной» литературы.

В России велись споры на страницах журналов и газет об исторических условиях образования капитализма, о возможности вступления России на путь капиталистического развития. В. И. Ленин писал, что вопрос о судьбах капитализма возник тотчас после появления «Капитала» и «стал главным теоретическим вопросом».

Полемику начал буржуазный экономист Жуковский. За ним выступили Михайловский, Чичерин, Зибер. Последний подрывал основы народнических теорий и способствовал повороту прогрессивной молодежи к марксизму. Зибер рассматривал теорию Маркса как закономерное дальнейшее развитие лучших достижений мировой

экономической науки.

В 1877 году Маркс написал редактору «Отечественных записок» Михайловскому письмо по поводу полемики о «Капитале», но, опасаясь, что его имя поставит под угрозу существование самого журнала, не отправил письма. Его нашел Энгельс, когда разбирал после смерти Маркса его архив.

...А Лопатин все еще был узником Иркутска. Его друзья снова ломали голову над тем, как помочь ему бежать. Опять Татьяна Флорентьевна Чайковская вела деятельную подготовку. Она вовлекла в это мероприятие своего приятеля полицмейстера, у которого пользовалась огромным уважением. Не было той жертвы, той услуги, на которую не пошел бы ради нее полицмейстер Черепанов.

План освобождения Лопатина на сей раз был такой. Германа Александровича часто выводили в суд для допроса. Он заметил, что в уборной суда форточка была достаточно велика, чтобы пропустить человеческое тело. Свое наблюдение он немедленно передал Татьяне Флорентьевне через Нину (ее дочь). У Чайковской был хороший знакомый чиновник суда. Она привлекла и его к делу побега. Было решено, что этот человек свою верховую лошадь привяжет под окном уборной. К седлу припакуется сверток с платьем. Лопатин попросится выйти, вылезет из окна и ускачет за город. Там, в назначенном месте, переоденется, оставит лошадь и пешком вернется в город, в квартиру полицмейстера.

Но ведь кроме Черепанова и его жены у них жила прислуга. От нее нельзя будет скрыть неожиданного жильца. Нашли такой выход. Черепановы уволят свою прислугу, а к ним перейдет Маша, прислуга Чайковской, которая была предана им до самозабвения, а с Ниной почти приятельница. Вот на нее, на Машу, можно было вполне положиться. Увлеченная романтичностью предполагаемого побега, она охотно согласилась перейти на временное

услужение к Черепановым.

Наступило 10 июня 1873 года. Лопатина вызвали в суд. После допроса он попросился в уборную. Его отпустили с конвойным. Проходит четверть часа, проходит двадцать минут. Солдат стучится в дверь. Никакого ответа.

Тревога!

Взломали дверь, а за дверью — никого. А Герман Александрович тем временем уже направлялся по улицам Иркутска на квартиру полицмейстера, где под самым бдительным надзором Маши провел трое суток.

Оставаться там дальше было рискованно, и для Лопатина нашли убежище в другом, заранее подготовленном месте.

Приятельницей Татьяны Флорентьевны была жена фотографа Мильчевского. Кабинет для проявления фотографических снимков, куда не допускался никто, и стал самым безопасным убежищем для Германа Александровича. Пока его искали по дорогам в Россию, он преспокойно сидел у Мильчевского. Затем его переправили за 50 верст к знакомому хуторянину, а оттуда с обозом «шажком добрался до Томска, где на этот раз благополучно сел на пароход и в свое время, после новых приключений, прибыл в Питер...»

Он сразу направился к «другу на всю жизнь» Николаю Францевичу Даниельсону. Хозяев не было дома, они ушли к дочери Лаврова Марии Петровне. Зайдя с черного хода в их квартиру, Герман Александрович неожиданно наткнулся на красивую девушку. Познакомился. Зинаида Корали, по фиктивному браку Абсеитова.

Когда, наконец, появился хозяин квартиры, он сразу бросился в объятия богатыря-бородача:

— Ах ты, бродяга! Попался, беглый каторжник! Дай-ка я тебя расцелую! — Отпрянув от Лопатина, Николай Францевич восхищенно восклицал, любуясь ладной фигурой друга: — Ай да добрый молодец! Вот так смельчак, ото всех удрал!

Когда они уединились в кабинете,

Николай Францевич достал тяжелый том из книжного шкафа и, улыбаясь, протянул Герману Александровичу:

— Издали год назад.

Лопатин подержал перед близорукими глазами книгу, полюбовался ею, перевернул обложку и на титульном листе прочитал: «Моему незабвенному другу, смелому, верному, благородному, передовому борцу пролетариата Вильгельму Вольфу».

Показывая на фотографию Вольфа, Лопатин сказал:

— Он тоже многие годы провел в каменных мешках тюремных камер крепости Зильберберг.— Стал читать дальше.— «Капитал. Критика политической экономии».

Сочинение Карла Маркса.
Перевод с немецкого. Том первый.

Медленно листал страницы и читал отдельные абзацы. Текст так знаком ему. В воображении встал великий ученый, Человек, друг, учитель. Почти три года не видел он Марксов.

— Первую главу перевел ты, Николай?

— Нет, не я. После упорных отказов все-таки согласился Любавин.

Герман Александрович нашел страницу, на которой он прервал перевод. Как бы читая его мысли, Николай Францевич сказал:

— Твою фамилию пришлось снять. Цензор заявил, что его прогонят, если он разрешит к печати труд, написанный одним смутьяном и переведенный другим.

— Я очень рад, что «Капитал» вышел. Ты молодчина, Николай! Дай руку, друг!— и Лопатин крепко пожал руку Даниельсону.